

СОВРЕМЕННОСТЬ В ТЕАТРЕ

Я ОТЛИЧНО понимаю, что ни в коей мере не смогу в газетной статье исчерпать ту проблему, которая стоит в заголовке. Я хочу лишь поделиться некоторыми субъективными, эмпирическими, наверное, спорными, наблюдениями над собой и другими товарищами по работе.

«Современность» — слово не новое. Оно не раз было главным словом в литературных и театральных спорах, не раз званием «современный художник», как лаврам, венчали главы поэтов и музыкантов, артистов и живописцев.

Купеческая роскошь некоторых станций московского метро, гигантские размеры полотен, изображающих радость народа по поводу встречи с вождем, жеманные танцы времен юности наших прабабушек — падепань, падепатинер и другие совсем недавно считались современной архитектурой, современной живописью, современным танцем...

Поскольку всем было очевидно, что можно и нужно считать современностью, — ее никто не искал.

Нужно ли говорить, что большое число книг и фильмов, спектаклей и зданий было изуродовано нормативной эстетикой периода культа личности Сталина. Нередко подлинная жизнь, подлинная красота, подлинная правда были погребены под слоем позолоты, мишуры и украшений, заглушены фанфарами и колокольным звоном.

XXII съезд КПСС окончательно положил конец культу личности Сталина. Партия требует от мастеров слова и кисти, песенников и артистов говорить правду. Партия сказала — Мастера ис-

кусств! Еще крепче свяжите свое творчество с жизнью. Покажите ее такой, какая она есть, для того, чтобы улучшить...

И зазвучало в речах и статьях, дискуссиях и деловых совещаниях слово «современность». Стали подыскивать объяснения этому слову, определять признаки его, прикладывать его к художественным произведениям и его мастерам, к пьесам и симфониям, к стихам и фильмам. Современная тема, современные выразительные средства, современный герой, современный артист...

Иных это даже пугает. Они беспокоятся, что поиски современного стиля нивелируют художников, что борьба за современность стоит ограничить борьбой за современную тему.

Театральное искусство современно по своей природе. Но в 30—40-е годы слово «современность» как будто бы исчезло из нашего лексикона. Сейчас оно снова приобрело права гражданства. В понятие «современность» мастера искусств и народ вкладывают очень многое. Тут и жажда правды, и протест против фальши, стремление увидеть жизнь во всем богатстве и подлинной красоте, и желание постигнуть мудрую силу сегодняшних великих дел. В понятии «современность» слилось воедино гражданское и эстетическое. Вопросы мастерства стали вопросами партийными. Только такая позиция поможет нам рассматривать эстетические проблемы, не уходя в эстетизм, а идеологические — без догматизма.

Г. ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР

Проблемы современного театрального искусства волнуют всех — мастеров театра и студентов театральных школ, критиков и зрителей. И молодежь, и старики

хотят идти в ногу с временем, хотят найти слова, мелодию и ритм искусства, которые, как хорошая песня, помогут советским людям идти по трудным дорогам строительства коммунизма. Каждый театр, каждый режиссер обязан «у себя дома», на своем месте решать общую для всех задачу — как наилучшим образом нести народу высокие гуманистические принципы коммунизма, как достучаться в сердце современника, затронуть чувствительные струны его души...

Современность и новаторство всегда стоят рядом. Но о первом надо заботиться, о втором, на мой взгляд, — нет. Если гражданин нашей страны взволнован высокой гражданской идеей, которой живет весь народ, и если он честно трудится, чтобы приблизить осуществление этой идеи, — он наш современник. Если человек умеет выразить процесс строительства нового общества образными средствами, — он художник. Если он настоящий гражданин и честный художник, — произведения его окажутся новаторскими. Но нельзя поставить перед собой задачу — «буду новатором!» Новатор ты или нет — скажет народ, рассудит история. Если же художник не знает жизни, не понимает ее законов, не слышит и не замечает новое, не хочет быть современным художником и, мало того, новатором, он непременно скатывает-

ся к модничанью и мелкой злободневности. Следование моде — это попытка создать то, чего никогда не было; стремление объявить новым все то, чего я раньше не видел, — псевдоноваторство и псевдосовременность.

И, как это ни парадоксально, псевдоноваторство непременно смыкается с архаизмом. Этот враг подлинной современности, единый в двух ликах, противник нового довольно прочно сидит в каждом из нас. Нет-нет, да и потянет нас на острую форму только из боязни прослыть старомодным. Нет-нет, да и потянет нас к старому, проверенному, прочному... То не хватает храбрости, чтобы оторваться от насиженного, то — мужества вернуться к истине...

Есть ли некий современный стиль? А если есть — в чем он? Каковы признаки нового стиля? Обязательно ли для всех следовать ему? Вот несколько из сотен вопросов, которые мучают каждого режиссера и артиста, каждого честного художника.

XXII съезд КПСС с особой ясностью подчеркнул, что здесь перед советским театром открываются настоящие просторы. Решения XXII съезда по идеологическим вопросам, без сомнения, помогут и дальнейшему росту советской драматургии.

Но если мы не будем обсуждать вопросы современного в сценическом искусстве, то к моменту, когда появятся новые прекрасные пьесы, мы окажемся беспомощными, несостоятельными. Вот почему нам нельзя ждать, когда драматургия нас полностью удовлетворит, вот почему нам нужно сегодня не только ждать и требовать, а прак-

тически на материале существующих пьес искать новые признаки, новые черточки и свойства сегодняшнего современного искусства.

Ни один из видов искусства не является столь преходящим, как искусство театра. Никто не может подвергнуть сомнению величие русской артистки Марии Николаевны Ермоловой, но никому из нас не удастся приблизиться к ощущению этого величия, слушая ее голос в записи. Снимает ли это что-нибудь с величия Ермоловой? Нет. Дело в том, что выразительные средства театра, как и живые люди, умирают, стареют, рождаются, возникают заново. Ход событий общественной жизни меняет зрителей, меняет их восприятие искусства, меняет выразительные средства театра. Они должны меняться.

Полвека назад произошел коренной пересмотр выразительных средств: возник Московский Художественный театр. Все знают, как это происходило, но и сейчас трудно до конца поверить, что группа начинающих актеров и более опытных, но, по существу, любителей, напав на уложа работу императорского театра. Я имею в виду две «Чайки»: «Чайку» в Александринском театре и «Чайку» в Художественном театре.

Мы знаем, как гениальны были К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко, как талантливы были их ученики и воспитанники, и нам ничто не кажется странным. Тогда они еще этого не доказали. Противниками молодого Художественного театра были такие титаны, как Южин, Ленский, Садовские и другие прославленные артисты. Сила нового опрокинула старое. Возникла новая система выразительных средств.

Прошли годы, десятилетия. Художественный театр одержал бли-

стательную победу. Он вошел в мировую историю театра. Мы вечно будем благодарны ему. Несколькими поколениями воспитано на спектаклях МХАТа, его школы. И как ни печально, надо прямо сказать, что сегодня Художественный театр перестал быть эталоном прекрасного в нашей театральной жизни. Средства выразительности, найденные полвека назад и достигшие своего расцвета более 20 лет назад, постепенно стали такой традицией, которая сдерживает движение дальше, вперед.

Я ничего не хочу предрекать Художественному театру, может быть, ему и предстоит прекрасное будущее. Придут новые творческие силы, и под белой чайкой старого МХАТа забьется жизнь нового художественного организма. Художественный театр прожил прекрасную жизнь и постарел. Сколько бы критики ни пытались нам доказать, что настоящее МХАТа так же прекрасно, как его прошлое, поверить в это нельзя.

Когда я говорю о МХАТе, я отнюдь не имею в виду великие открытия, сделанные К. С. Станиславским, его систему. Законы творчества, открытые Константином Сергеевичем на опыте Художественного театра, да и не только Художественного, вечны. Должны быть вечны. Они вечны, если каждый раз в новых условиях, в новом зрительном зале будут вновь открываться, вновь применяться и вновь рождаться законы художественной выразительности. Вот почему система Станиславского вечна; стиль игры Художественного театра — понятие историческое.

Мне кажется, что наше время требует нового стиля актерской